

На правах рукописи

Пруцкова Елена Викторовна

**СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ С БАЗОВЫМИ ЦЕННОСТЯМИ И
СУБЪЕКТИВНЫМИ НОРМАМИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ДРУГИХ
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН**

Специальность: 5.7.9 — Философия религии и религиоведение
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва — 2022

Работа выполнена в Образовательном частном учреждении высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Научный руководитель:

Магун Владимир Самуилович

кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, руководитель сектора исследований личности Института социологии — обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Официальные оппоненты:

Рязанова Светлана Владимировна

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН

Узланер Дмитрий Александрович

кандидат философских наук,
научный сотрудник, директор Центра изучения религии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (РАНХиГС)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Защита диссертации состоится «23» марта 2022 г. в 15.00 час. на заседании Объединенного диссертационного совета 99.0.007.03 при Институте философии РАН, Российском государственном гуманитарном университете, Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Автореферат разослан «18» января 2022 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук**

К.В. Карпов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В рамках большинства российских массовых социологических опросов фиксируется, что религиозность населения, измеряемая чаще всего с помощью вопросов о вере в Бога или частоте посещения религиозных служб, не оказывает влияния на нормы, ценности и поведение людей вне религиозного контекста или это влияние незначительно. Такова же и картина по большинству постсоциалистических стран. В то же время исследования в других странах показывают, что религия оказывает довольно существенное влияние на разные характеристики «внерелигиозного» сознания и поведения, в наибольшей степени это заметно в странах западной и южной Европы, США, Латинской Америки¹.

Научная актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время нет ответа на вопрос о том, каковы причины наблюдаемого в большинстве постсоциалистических стран, в том числе в России, слабого влияния религиозности людей на разделяемые ими ценности и нормы. Остается неясным, какие факторы и социальные механизмы отвечают за данный процесс, определяют межстрановые, кросс-культурные различия в силе связи между религиозностью и ее ценностно-нормативными следствиями или коррелятами. Недостаточность понимания факторов, оказывающих воздействие на силу связи религиозности с ценностями и субъективными нормами, не позволяет осуществлять обоснованное прогнозирование и давать экспертную оценку возможным направлениям развития и наиболее вероятным следствиям изменяющейся ситуации, давать удовлетворительную интерпретацию межстрановым, кросс-культурным различиям в связях между религиозностью и ценностно-нормативными характеристиками.

Практическая актуальность исследования определяется тем, что для развития общества необходимо научное знание о том, какие факторы влияют на формирование норм и ценностей, их передачу от поколения к поколению, их

¹ Сильная связь религиозности с ценностями и субъективными нормами не всегда означает доминирование тех или иных ценностей на уровне страны.

изменение с течением времени. Является ли религия одним из таких факторов, или, иначе, может ли религия стать ресурсом для построения общества, в котором представлены ценности равенства и терпимости, бережного отношения к окружающей среде, готовности отказаться от собственных интересов ради блага других людей (ценности Заботы о людях и природе)? Какие социальные условия способны усиливать воздействие религиозности на ценности и субъективные нормы, а какие — препятствуют такому влиянию?

Научная разработанность проблемы

Религиозность в России

Результаты социологических исследований (ИСПИ РАН, ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, РМЭЗ НИУ ВШЭ и др.) в России демонстрируют существенный разрыв между большим числом идентифицирующих себя с православием россиян (в марте 2021 г., по данным всероссийского опроса ВЦИОМ, 66% россиян называли себя последователями православия²) и малым числом практикующих (воцерковленных) православных³. Так, например, на основании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ Я. М. Рощина констатирует существенное расхождение между самоидентификацией с религией и восприятием себя как верующего⁴.

Сопоставляя данные различных репрезентативных всероссийских исследований, Н. Н. Емельянов отмечает постоянный рост количества людей,

² *Великий пост — 2021. Аналитический обзор ВЦИОМ.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 07.04.2021).

³ *Чеснокова, В. Ф.* Тесным путем : Процесс воцерковления населения России в конце XX века. — М. : Академический Проект, 2005. — 304 с. ; *Синелина, Ю. Ю.* Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. — 2006. — № 11. — С. 89—97 ; *Синелина, Ю. Ю.* Измерение религиозности населения России : православные и мусульмане : суеверное поведение россиян. — М : Наука, 2006. — 112 с. ; *Фурман, Д. Е., Каарийнен, К.* Религиозность в России рубеже XX—XXI столетий // Общественные науки и современность. — 2007. — № 2. — С. 78—95 ; *Зоркая, Н. А.* Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2009. — № 2 (100). — С. 65—85 ; *Синелина, Ю. Ю.* О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах её изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. — 2013. — № 10. — С. 104—115 ; *Общественное мнение — 2020.* — М. : Аналитический Центр Юрия Левады («Левада-Центр»), 2020. — С. 109-114.

⁴ *Рощина, Я. М.* Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. —2018. — №8. — С. 100.

называющих себя православными при стабильно низкой доле практикующих верующих. По данным разных опросов, в течение последних 25 лет доля называющих себя православными колебалась в пределах от 50% до 70%, в то время как доля причащающихся раз в месяц или чаще до 2014 г. составляла не более 2-3%, за исключением 2013-го года (6%)⁵. Емельянов показывает, что одним из факторов, ограничивающих возможности роста доли практикующих верующих в России может считаться ограничение «со стороны предложения», и роста доли практикующих верующих невозможно ожидать до тех пор, пока не увеличится количество духовенства⁶.

В декабре 2020 г., по данным опроса «Религия и церковь»⁷, православные россияне составляли 68% взрослого населения, в то время как 7% населения причащались раз в месяц и чаще. В феврале 2021 г. соответствующие показатели, по данным всероссийского опроса ФОМ⁸, составляли 63% и 6%. Таким образом, хотя за последний год наблюдаются некоторые тенденции к интенсификации религиозной жизни, разрыв между долей идентифицирующих себя с православием и долей воцерковленных россиян продолжает оставаться очень существенным.

В тех случаях, когда в исследования включаются дополнительные вопросы, позволяющие отслеживать влияние религиозности на «внерелигиозные» характеристики, результат оказывается скорее отрицательным: корреляция между уровнем религиозности и морально-нравственным, экономическим, политическим и т.д. поведением практически незаметна. Исследователи объясняют это тем, что

⁵ Емельянов, Н. Н. Парадокс религиозности : Откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 35.

⁶ Емельянов, Н. Н. Анализ секуляризации в России со стороны предложения // Христианское чтение. — 2017. — № 1. — С. 152—188 ; *Emelyanov, N.* The temporal structure of the activities of priests and the substantive effects of religious life in contemporary Russia // *Russian Sociological Review*. — 2016. — Vol. 15. — No. 4. — P. 176—201.

⁷ Всероссийский опрос «Религия и Церковь» проведен в рамках проекта «Социальная работа Русской Православной Церкви: факторы развития и проблема институционализации» Православного Свято-Тихоновского Богословского института, полевая часть исследования осуществлялась Институтом фонда «Общественное мнение» (ФОМ). URL : http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/social_work. Расчеты автора.

⁸ Репрезентативный опрос населения РФ от 18 лет и старше проведен Институтом фонда «Общественное мнение» 6-7 февраля 2021 г. Интервью по месту жительства респондента, 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов.

православная идентичность в России отражает не религиозность человека, а скорее является заменой какой-то другой идентичности — национальной, этнической или культурной. В. Карпов, Е. Лисовская и Д. Барри выявляют феномен «этнодоксии» — тесного переплетения религиозной и этнической идентичности, которую они определяют как «систему убеждений, которая жестко связывает этническую идентичность группы с ее доминирующей религией»⁹. При этом такое смешение конфессиональной и национальной идентичности может ослабевать или усиливаться под воздействием ряда факторов. Например, Е. А. Кублицкая показывает, что «конфессиональная идентификация в регионе повышается при увеличении конфликтности в межэтническом взаимодействии»¹⁰.

В то время как Карпов и соавторы лишь фиксируют существенную связь этнической и религиозной идентичности, другие религиоведы и социологи выражают и более радикальную позицию, состоящую в том, что за самоидентификацией с православием не стоит ничего кроме «русскости» или лояльности власти. Б. В. Дубин отмечает: «фактическое слияние для большей, если не подавляющей, части населения семантики “православного” и “русского”»¹¹. Л. Д. Гудков считает, что «православие оказалось лишь ярлыком этноконфессионального партикуляризма, компенсирующего слабости национальной и социальной самоидентификации»¹². Зоркая констатирует: «Ни церковь, ни религия как таковая не играют в повседневной жизни подавляющего большинства людей значительной роли»¹³.

М. М. Мчедлова фиксирует «противоречивость российского религиозного сознания, его неопределенность и неструктурированность»¹⁴, которая заключается

⁹ *Karpov, V., Lisovskaya, E., Barry, D. Ethnodoxu : How popular ideologies fuse religious and ethnic identities // Journal for the Scientific Study of Religion. — 2012. — Vol. 51. — No. 4. — P. 644.*

¹⁰ *Кублицкая, Е. А. Динамика процесса десекуляризации в мегаполисе // Наука. Культура. Общество. — 2016. — № 3. — С. 116.*

¹¹ *Дубин, Б. В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 3 (71). — С. 42.*

¹² *Гудков, Л. Д. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2008. — № 1 (93). — С. 21.*

¹³ *Зоркая, Н. А. Православие в безрелигиозном обществе ... — С. 80.*

¹⁴ *Мчедлова, М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. — 2009. — № 12. — С. 83.*

в разрыве между принадлежностью к конфессии (в частности — православию) как идентификацией с определенной культурной традицией и как глубокой личной верой.

Исследуя роль регионального фактора в определении конфессиональной ситуации, С. В. Рязанова отмечает, что выбор «традиционных» религий часто связан не столько с согласием с определенным вероучением, сколько со стереотипным мышлением: «срастание религиозных традиций с общекультурными оборачиваются, как правило, так называемой “стертой”, неактивной религиозностью»¹⁵.

С. Б. Филатов и Р. Н. Лункин, предпринимая попытку рассчитать на основании статистических данных реальное количество последователей различных религий в России, приходят к выводу, что «...значение религиозного фактора в светском секуляризованном обществе, в котором вера стала для многих просто культурным символом, относительно невелико»¹⁶.

К похожим выводам приходят К. Каарияйнен и Д. Е. Фурман, которые пишут о «проправославном консенсусе», представляющем собой сформировавшееся в массовом сознании «всеобщее и устоявшееся убеждение, будто православие — высшая ценность, неотделимая от русского самосознания и русской культуры»¹⁷. С. Д. Лебедев считает, что среди факторов формирования «проправославного консенсуса» можно выделить снижение престижности атеизма в постсоветской России, а также образ православия как носителя традиционной национальной культуры¹⁸. По мнению Д. А. Узланера, «проправославный консенсус» представлял собой специфический постатеистический феномен и в настоящее время теряет

¹⁵ Рязанова С. В. Роль регионального фактора в формировании локальной конфессиональной ситуации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2019. — №1. — С. 58.

¹⁶ Филатов, С. Б., Лункин, Р. Н. Статистика российской религиозности : магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 44.

¹⁷ Фурман, Д. Е., Каарияйнен, К. Религиозность в России ... — С. 79.

¹⁸ Лебедев С. Д. Проправославный консенсус в России начала XXI века как феномен религиозной ситуации // Научный результат. Серия: Социология и управление. — 2015. — Т. 1. — № 1. С. 18.

актуальность, поскольку православие становится скорее фактором конфликта, чем национального консенсуса¹⁹.

А. С. Агаджанян описывает религиозную ситуацию в России в терминах «хрупкой секулярности» и отмечает «структурную диспропорцию между низким уровнем религиозной приверженности и высоким статусом публичной религии»²⁰.

В. В. Локосов и Ю. Ю. Синелина считают что «ссылки на социокультурные, этнические причины конфессиональной идентификации населения справедливы»²¹. Необходимо отметить, что по результатам Локосова и Синелиной, религиозность в России влияет на культурную сферу, поскольку она более, чем экономика или политика, близка к сфере духовной.

Мы считаем вышеприведенные объяснения недостаточными. Они основаны на том, что религиозные практики у православных россиян редки: при высоком уровне самоидентификации с православием лишь небольшая доля населения посещает религиозные службы, исповедуется и причащается, читает Евангелие и т.д. Однако даже когда показателем религиозности является не просто самоидентификация, а частота религиозных практик (посещения служб) или важность Бога в жизни человека, связь религиозности с ценностями и субъективными нормами также оказывается очень слабой или отсутствует. Возникает вопрос: почему даже в случае, когда религиозные практики присутствуют в жизни россиян, и когда они считают свою веру важной в своей жизни, это не отражается, по результатам массовых опросов, на их субъективных нормах и ценностях? В диссертационной работе предложено альтернативное объяснение, в центре которого находится уровень ранней религиозной социализации в стране как социальный контекст, определяющий, будет ли связь

¹⁹ Узланер, Д. А. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 3 (163) — С. 96—116.

²⁰ Agadjanian, A. From urban landscape to national culture: Russia's conspicuous religious simulacra and enduring, if fragile, secularity // Social Compass — 2021. — No. 1. — P. 11.

²¹ Локосов, В. В., Синелина, Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / под ред. М. П. Мчедлова. — М. : Институт социологии РАН, 2008. — С. 135—158.

религиозности с субъективными нормами и базовыми ценностями сильной либо слабой в том или ином обществе.

Социально-религиозный контекст как модератор связи религиозности с ценностями и нормами

В западной социологии религии получены противоречивые результаты относительно влияния религиозности на ценности, субъективные нормы и социальное поведение. К настоящему времени накоплено достаточно большое количество эмпирических свидетельств как значимых эффектов религиозности, так и отсутствия какого бы то ни было влияния религии на показатели, которые традиционно считаются следствиями религиозности человека. Это видно, например, из обзорных статей А. Норензаяна и А. Шарифа относительно связи альтруистического (просоциального) поведения и религиозности²² и В. Сароглоу с соавторами о связи религиозности и базовых ценностей, измеряемых при помощи Портретного ценностного вопросника (PVQ) Ш. Шварца²³ и т.д.

Остается открытым вопрос: почему по одним исследованиям религиозность оказывает существенное влияние на те или иные показатели, в то время как в других демонстрируется полное отсутствие какого бы то ни было влияния на те же самые показатели? Изучая влияние религиозности на правонарушения, Р. Старк отвечает на этот вопрос следующим образом: для того, чтобы объяснить это кажущееся противоречие результатов эмпирических исследований, необходимо отказаться от предпосылки, что религия — это в первую очередь индивидуальная характеристика, набор верований и практик индивидов, и заменить ее предпосылкой, что религия — это прежде всего социальный феномен²⁴. Вместо индивидуалистического объяснения логики связи религиозности и ее поведенческих следствий Старк предлагает рассматривать религиозность всех

²² *Norenzayan, A., Shariff, A. F.* The origin and evolution of religious prosociality // *Science*. — 2008. — Vol. 322. — No. 5898. — P. 58—62.

²³ *Saroglou, V., Delpierre, V., Dernelle, R.* Values and religiosity : a Meta-analysis of studies using Schwartz's model // *Personality and Individual Differences*. — 2004. — Vol. 37. — No. 4. — P. 721—734.

²⁴ *Stark, R.* Religion as context : Hellfire and delinquency one more time // *Sociology of Religion*. — 1996. — Vol. 57. — No. 2. — P. 164.

членов общества как социальный контекст, опосредующий влияние индивидуальной религиозности. Он утверждает и обосновывает при помощи результатов исследований, проведенных в США, что религия может способствовать соблюдению социальных норм «только если она поддерживается посредством социальных взаимодействий и принимается большинством как общезначимое основание для действия»²⁵.

Предложенный Старком подход реализуется в ряде исследований: К. Бейдер и Р. Финке подчеркивают важность религиозного социального контекста при исследовании связи индивидуальной религиозности и моральных убеждений²⁶, Э. Адамчик и К. Питт — при изучении связи религиозности и отношения к гомосексуализму²⁷, Э. Вербакель и Е. Ясперс — при изучении связи религиозности и отношения к эвтаназии²⁸, В. Ментус — при анализе связи религиозности с традиционными базовыми ценностями²⁹ и т.д.³⁰. В этих исследованиях используются более сложные методы анализа данных, в частности — многоуровневый регрессионный анализ. На уровне страны в модели в качестве предикторов (факторов, призванных объяснить наличие и/или предсказать

²⁵ Там же.

²⁶ *Bader, C. D., Finke, R.* What does God require? Understanding religious context and morality // *Handbook of the sociology of morality* / S. Hitlin, S. Vaisey (eds.). — New York : Springer, 2010. — P. 241—254.

²⁷ *Adamczyk, A., Pitt, C.* Shaping attitudes about homosexuality : The role of religion and cultural context // *Social Science Research*. — 2009. — Vol. 38. — No. 2. — P. 338—351.

²⁸ *Verbakel, E., Jaspers, E.* A Comparative study on permissiveness toward euthanasia : Religiosity, slippery slope, autonomy, and death with dignity // *Public Opinion Quarterly*. — 2010. — Vol. 74. — No. 1. — P. 109—139.

²⁹ *Ментус В.* Традиционная ценностная ориентация и религиозность — многоуровневый анализ в странах Европы // *Научный результат. Социология и управление*. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 34—40.

³⁰ *Corcoran, K. E., Pettinicchio, D., Robbins, B.* Religion and the acceptability of white-collar crime : A cross-national analysis // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2012. — Vol. 51. — No. 3. — P. 542—567 ; *Finke, R., Adamczyk, A.* Cross-national moral beliefs : The influence of national religious context // *The Sociological Quarterly*. — 2008. — Vol. 49. — No. 4. — P. 617—652 ; *Kelley, J., De Graaf, N. D.* National context, parental socialization, and religious belief : Results from 15 nations // *American Sociological Review*. — 1997. — Vol. 62. — No. 4. — P. 639—659 ; *Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P.* Which societies provide a strong religious socialization context? Explanations beyond the effects of national religiosity // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2014. — Vol. 53. — No. 4. — P. 739—759 ; *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes : Explaining cross-national effect differences // *Sociology of Religion*. — 2002. — Vol. 63. — No. 2. — P. 157—176.

появление того или иного феномена) включаются показатели религиозности населения в целом. Результаты этих исследований показывают, что религиозный контекст, действительно, играет важную роль.

Так, например, Р. Финке и Э. Адамчик изучают связь религиозности и «моральных убеждений»³¹, и проверяют гипотезу о влиянии религиозности населения как характеристики социального контекста на основании данных Всемирного исследования ценностей (WVS) 1997 г., а также Международной программы социальных исследований (ISSP) 1998 г. Результаты анализа показали, что «связь между индивидуальными религиозными верованиями и традиционными моральными ценностями сильнее в странах с поддерживающим религиозным контекстом»³² (под «традиционными моральными ценностями» Финке и Адамчик подразумевают отношение к разводам, абортам, различным аспектам сексуальности). В то же время моральные убеждения относительно вопросов, сопровождающихся санкциями со стороны государства (убеждения относительно допустимости проезда на общественном транспорте без билета, получения взятки или сокрытия доходов, чтобы не платить налоги), значительно слабее связаны с индивидуальной религиозностью, а влияние религиозности на уровне социального контекста для этой группы убеждений не было обнаружено.

Гипотезу о том, что связь религиозности с субъективными нормами в секулярном социальном контексте — более слабая, П. Шиперс, М. Те Гротенхойс и Ф. ван дер Слик называют «тезисом об искушении секулярностью» (“secular temptation thesis”)³³. Альтернативой этой гипотезе является предположение о том, что связь религиозности с нормами и ценностями должна быть сильнее в секулярном социальном контексте, поскольку религиозные люди в таком обществе постоянно ощущают отличие своих ценностей и норм от ценностей и норм остальной части населения, и должны их некоторым образом защищать, что

³¹ В настоящей работе схожие показатели концептуализируются при помощи понятия субъективных норм.

³² *Finke, R., Adamczyk, A.* Cross-national moral beliefs ... P. 635.

³³ *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes ...

приводит к формированию «моральных стен» вокруг религиозного сообщества³⁴, и необходимости постоянно актуализировать религиозные ценности³⁵. Эту гипотезу Шиперс и соавторы зазывают «тезисом о религиозной защите» (“religious defence thesis”).

Однако для объяснения слабой связи религиозности с ценностями и субъективными нормами в России описанный выше контекстный подход не работает, поскольку в России мы наблюдаем, с одной стороны, достаточно высокий уровень религиозности населения, если измерять его при помощи вопроса о важности религии, а с другой стороны — практически отсутствующую связь индивидуальной религиозности и ее ценностно-нормативных коррелятов. Кроме того, за последние 20-25 лет мы наблюдаем заметный рост религиозности в России, что, если следовать данной объяснительной логике, должно было привести к заметному увеличению силы связи религиозности с нормами и ценностями, однако такого усиления связи не произошло — она остается на очень низком уровне.

В целом, гипотеза о значении социального контекста, опосредующего влияние индивидуальной религиозности на субъективные нормы и ценности, является продуктивной, но конкретные формы ее операционализации, на наш взгляд, могут быть модифицированы и расширены. В настоящей работе мы показываем, что на страновом уровне целесообразно учитывать не только существующий на данный момент уровень религиозности населения, но и социальные процессы, связанные с межпоколенной передачей религиозности. В анализе социальных факторов, опосредующих связь индивидуальной религиозности с ценностями и субъективными нормами, мы, в первую очередь, обратимся к процессам религиозной социализации.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является религиозное сознание населения России и других европейских стран.

³⁴ Woodrum, E., Davison, B. L. Reexamination of religious influences on abortion attitudes // Review of Religious Research. — 1992. — Vol. 33. — No. 3. — P. 229—243.

³⁵ Boehnke, K., Hadjar, A., Baier, D. Parent-child value similarity : The role of Zeitgeist // Journal of Marriage and Family. — 2007. — Vol. 69. — No. 3. — P. 778—792.

Исследование охватывает большинство европейских стран (всего 46 стран): Австрию, Азербайджан, Албанию, Армению, Беларусь, Бельгию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Великобританию, Венгрию, Германию, Грецию, Грузию, Данию, Ирландию, Исландию, Испанию, Италию, Кипр, Косово, Латвию, Литву, Люксембург, Македонию, Мальту, Молдавию, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Португалию, Россию, Румынию, Ирландию, Сербию, Словакию, Словению, Турцию, Украину, Финляндию, Францию, Хорватию, Черногорию, Чехию, Швейцарию, Швецию, Эстонию.

Предметом исследования является связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами относительно начала и окончания жизни.

Работа соответствует следующим пунктам паспорта специальности:

8. Содержание религиозных онтологии, гносеологии, социологии, историософии, антропологии, этики, эстетики, аксиологии, учений о праве, учений об экономике, политике, государстве; особенности процессов познания, специфика морали, искусство, право в различных религиях и конфессиях.

23. Религии в контексте процессов глобализации.

33. Религиозный комплекс: религиозное сознание, деятельность, культ, отношения, организации; социальные функции религии.

37. Религиозность: методы и результаты исследования.

38. Религия и личность.

43. Религия и семья, религия и этнос, религия и социальная стратификация.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в описании и объяснении связи религиозности с ценностями и субъективными нормами относительно начала и окончания жизни, и выявлении социальных факторов, определяющих силу этих связей.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

1. Выявление и описание связи индивидуальной религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, в том числе — при контроле основных социально-демографических характеристик.

2. Объяснение межстрановых различий в силе связи религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни при помощи характеристик социально-религиозного контекста.

3. Выявление и описание связи индивидуальной религиозности с базовыми ценностями населения, в том числе — при контроле основных социально-демографических характеристик.

4. Объяснение межстрановых различий в силе связи религиозности с базовыми ценностями при помощи характеристик социально-религиозного контекста.

Теоретические и методологические основы диссертации

В исследовании применяется методика изучения базовых ценностей, разработанная Ш. Шварцем, многомерный подход к изучению религиозности.

В исследовании проводится многомерный статистический анализ результатов массовых социологических опросов с применением различных методов анализа социологических данных: линейного и многоуровневого регрессионного анализа, корреляционного анализа, анализа линейных распределений и таблиц сопряженности, применяются различные критерии проверки статистических гипотез и др. Модели строятся на основании данных Европейского исследования ценностей (EVS — European Values Study) 2008 г., Европейского социального исследования (ESS — European Social Survey) 2010 и 2012 гг., всероссийского исследования Ортодокс Монитор 2012 г. Проводится сравнительный межстрановой анализ.

Научная новизна исследования

В целом высокий уровень религиозности связан с более консервативными, традиционными субъективными нормами и базовыми ценностями, однако наблюдаются существенные отличия по силе этой взаимосвязи в разных странах. До настоящего времени в качестве объяснений слабой или отсутствующей связи между религиозностью и ценностями в России и ряде других постсоциалистических стран (кроме Польши), в то время как в других обществах

(прежде всего, западноевропейских и южноевропейских) эта связь сильна, предлагались различные подходы. Первый из них заключается в том, что характер религиозности в России и ряде других постсоциалистических стран отличается от характера религиозности в западных странах: самоидентификация с традиционным вероисповеданием отражает не столько уровень религиозности, сколько этническую идентичность³⁶. Второе объяснение связано с характеристиками социального контекста религиозности: только в том обществе, где религия важна для большинства населения и воспринимается как легитимное основание для действия, будет наблюдаться существенная связь индивидуальной религиозности с ценностями и нормами³⁷. Третье объяснение связано с влиянием представлений о Боге: только образ Бога как личности, при этом всемогущей и интересующейся происходящим с человеком, в отличие от образа Бога как абстрактного понятия, удаленного от мирских забот, может оказывать влияние на ценности и нормы³⁸. Четвертый подход к объяснению связан с «эффектом дна» и состоит в том, что в России и ряде других постсоциалистических стран ценности и нормы населения — в целом в высокой степени консервативны, и, следовательно, население более гомогенно, поэтому влияние любых факторов, включая религиозность, здесь будет более слабым³⁹. По разным причинам, каждое из этих объяснений оказывается недостаточным для обоснования слабой или отсутствующей связи религиозности с нормами и ценностями в России и ряде других постсоциалистических стран, в частности — по сравнению с западноевропейскими и южноевропейскими странами.

Новизна диссертационного исследования выражается в трех аспектах. Во-первых, мы дополняем эту научную дискуссию, внося в нее новое объяснение, выявляя существенную опосредующую роль первичной (т.е. полученной в детстве,

³⁶ *Karpov, V., Lisovskaya, E., Barry, D. Ethnodoxy ...*

³⁷ *Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs ... ; Stark, R. Religion as context ...*

³⁸ *Stark, R. Gods, rituals, and the moral order // Journal for the Scientific Study of Religion. — 2001. — Vol. 40. — No. 4. — P. 619—636.*

³⁹ *Halman, L., Van Ingen, E. Secularization and changing moral views : European trends in church attendance and views on homosexuality, divorce, abortion, and euthanasia // European Sociological Review. — 2015. — Vol. 31. — No. 5. — P. 616—627.*

примерно до 12-ти лет) религиозной социализации как контекста взаимосвязи индивидуальной религиозности с нормами и ценностями.

Во-вторых, обосновано, что воздействие религиозной социализации важно не только на уровне социального контекста, общества в целом, но и на индивидуальном уровне. В исследовании впервые выявлен эффект взаимодействия наличия первичной религиозной социализации и частоты посещения религиозных служб с точки зрения их влияния на субъективные нормы.

В-третьих, при анализе православной религиозности в России, впервые показан более сильный объяснительный потенциал показателя частоты исповеди и причастия при анализе влияния религиозности на ценностно-нормативное сознание, по сравнению с традиционно применяемым в исследованиях показателем частоты посещения религиозных служб.

Основные положения, выносимые на защиту

1. *Наблюдается существенная отрицательная взаимосвязь религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни*⁴⁰. В целом, чем выше уровень религиозности (несмотря на межстрановые и межконфессиональные различия), тем более традиционными являются субъективные нормы, и, соответственно, тем менее человек склонен оправдывать аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство. Наиболее запрещающими субъективными нормами характеризуются мусульмане, наименее запрещающими — относящие себя к православию и респонденты без вероисповедания. Католики и протестанты немного более консервативны, чем православные и не относящее себя ни к какому вероисповеданию население европейских стран.

2. Существенная взаимосвязь индивидуальной религиозности с нормами и ценностями наблюдается в обществах, где присутствует социальный процесс, обеспечивающий передачу религиозных ценностей — первичная религиозная социализация. В социальном контексте, характеризующемся низким уровнем

⁴⁰ Отрицательная связь между переменными обозначает такое их отношение, при котором при росте одной переменной (религиозности) показатели второй (напр. одобрение аборт) уменьшаются.

первичной религиозной социализации, связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, а также базовыми ценностями «Сохранения» и «Открытости изменениям» будет более слабой.

3. Первичная религиозная социализация в качестве фактора влияния на взаимосвязь религиозности с ценностями и субъективными нормами индивида взаимодействует с частотой посещения религиозных служб. Среди часто посещающих религиозные службы наличие первичной религиозной социализации оказывается связано с более строгими, запрещающими, субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, по сравнению с теми, кто первичной религиозной социализации в церкви не проходил. Среди тех, кто на момент опроса религиозные службы не посещали — наоборот, наличие первичной религиозной социализации оказывается связано с более разрешающими субъективными нормами.

4. *Сила связи религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни варьирует в зависимости от страны.* В ряде стран (в первую очередь — в западноевропейских и южноевропейских странах) связь довольно сильна, в то время как в других странах (в первую очередь — в России и других постсоциалистических странах, за исключением Польши) указанная связь оказывается значительно более слабой.

Межстрановые различия в силе связи религиозности с субъективными нормами в значительной мере объясняются характеристиками социального контекста, однако влияние общего уровня религиозности в стране как социального контекста, которое в предыдущих исследованиях рассматривалось как основная причина межстрановых различий, в настоящем исследовании не подтверждается.

Ключевой характеристикой социального контекста, объясняющей слабую, практически отсутствующую связь религиозности с субъективными нормами в России и ряде постсоциалистических стран, является низкий уровень первичной религиозной социализации в стране, в зависимости от которого изменяется угол наклона регрессионной прямой, отражающий силу связи индивидуальной

религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни.

5. *Наблюдается существенная взаимосвязь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям.* В целом, чем выше индивидуальная религиозность, тем более человек привержен ценностям безопасности, следования традициям, послушания, входящим в ценностный индекс Сохранения, и тем менее — ценностям новизны, риска, гедонизма, входящим в ценностный индекс «Открытости изменениям». Связь религиозности с базовыми ценностями Заботы о людях и природе, а также Самоутверждения, на полном массиве данных Европейского социального исследования не фиксируется.

6. *При более детальном внутривнутристрановом (по России) сравнении базовых ценностей воцерковленных православных (на основании исследования Ортодокс Монитор) и среднестатистических россиян (на основании Европейского социального исследования), наблюдаются очень существенные различия по всем базовым ценностям.* Воцерковленные православные россияне значительно более привержены ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе и менее — ценностям Открытости изменениям и Самоутверждения.

7. В отечественном контексте частота исповеди и причастия, как показатель, обладает более сильным объяснительным потенциалом при анализе влияния религиозности на ценностно-нормативное сознание, чем частота посещения религиозных служб. Было выявлено, что при контроле частоты посещения религиозных служб, регулярно причащающиеся православные россияне существенно отличаются по ключевым базовым ценностям. Это может объясняться тем, что частота исповеди и причастия более тесно связана с социальным механизмом вторичной (т.е. получаемой взрослыми) религиозной социализации, отвечающим за интернализацию определенных базовых ценностей под влиянием религиозности.

8. *В зависимости от уровня первичной религиозной социализации в стране изменяется сила связи религиозности с базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям.* В странах с низким уровнем первичной религиозной

социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши) связь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям является более слабой, в то время как в группе стран с высоким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном южноевропейские страны, а также Польша) связь — более сильная (в случае базовых ценностей Сохранения она положительная, Открытости изменениям — отрицательная). Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем большее влияние религиозность оказывает на базовые ценности Сохранения и Открытости изменениям. Этот вывод подтверждает результаты, полученные нами при анализе причин межстрановых различий в силе связи религиозности и субъективных норм относительно начала и окончания жизни.

9. Таким образом, при изучении влияния религиозности на нормы и ценности необходимо принимать во внимание социальные процессы, посредством которых это влияние реализуется. В частности, при изменении уровня религиозности населения, мы должны ожидать существенные ценностно-нормативные сдвиги лишь в том поколении, которое проходит первичную социализацию в ситуации изменившегося места религии в общественной жизни.

Апробация результатов

Основные результаты диссертационного исследования апробировались на Международной конференции «Повестка дня в сравнительных социальных исследованиях» (г. Санкт-Петербург, 16-18 декабря 2010 г.), V научно-практической конференции, посвященной памяти первого декана факультета социологии НИУ-ВШЭ А.О. Крыштановского «Социологические методы в современной исследовательской практике» (г. Москва, 22 февраля 2011 г.), I рабочем семинаре ЛССИ НИУ-ВШЭ «Перспективы сравнительных исследований социальных ценностей и модернизации» (г. Санкт-Петербург, 24-27 апреля 2011 г.), V Конференции памяти Ю. Левады «Современное российское общество и социология» (г. Москва, 20 июня 2011 г.), Летней школе ЛССИ НИУ-ВШЭ «Методология проведения количественных сравнительных исследований: многоуровневые модели» (г. Пушкин, 22 августа - 2 сентября 2011 г.), I

международной отчетной конференции ЛССИ НИУ ВШЭ «Сравнительная социология в количественной перспективе» (г. Москва, 25-28 ноября 2011 г.), XIII Апрельской Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» (г. Москва, 3-5 апреля 2012 г.), Летней школе ЛССИ НИУ-ВШЭ «Причинные модели и структурные уравнения» (г. Зеленогорск, 1-14 июля 2012 г.), IV Очередном всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (г. Уфа, 23-25 октября 2012 г.), II ежегодной международной конференции ЛССИ НИУ ВШЭ «Социальные изменения в кросс-национальной перспективе» (г. Москва, 6-10 ноября 2012 г.), VII Конференции памяти Юрия Левады «Современное российское общество и социология» (г. Москва, 1 апреля 2013 г.), XIV Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» (г. Москва, 2-4 апреля 2013 г.), V Конференции Европейской ассоциации социальных исследований (ESRA) (г. Любляна, Словения, 15-19 июля 2013 г.), Третьей ежегодной международной исследовательской конференции ЛССИ НИУ-ВШЭ (г. Москва, 12-17 ноября 2013 г.), XXII Скандинавской конференции по социологии религии (The 22nd Nordic Conference for Sociology of Religion) (г. Копенгаген, Дания, 20-22 августа 2014), Четвертой международной научной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна» (г. Белгород, 12 сентября 2014).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в найденном объяснении межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами и ценностями. В работе показано, что объяснения межстрановых различий, предлагавшиеся ранее и основанные на религиозном социальном контексте, не согласуются с выводами, полученными на представительных данных Европейского исследования ценностей. Тем не менее, гипотеза о социальном контексте как факторе, объясняющем указанную связь, является продуктивной при внесении определенных модификаций. Так, показателем социального контекста,

определяющим силу связи религиозности с ценностями и субъективными нормами, является уровень первичной религиозной социализации в стране.

Полученный результат имеет значимые следствия для построения прогнозов изменения ценностно-нормативных показателей в связи с усилением или ослаблением роли религии в обществе.

Результаты исследования могут использоваться при разработке социальной политики, направленной на решение социальных и демографических проблем в обществе с опорой на конфессиональный ресурс, а также могут применяться при разработке учебных программ по религиоведению.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, насчитывающего 220 источников. Общий объем работы — 220 страниц (10 а.л.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении к диссертации обосновывается научная новизна и актуальность исследования, описывается степень разработанности проблемы исследования, определяется предмет и объект исследования, формулируются основные цели и задачи, описываются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассматриваются основные подходы к концептуализации и способы операционализации используемых в диссертации понятий, таких как религиозность, религиозная социализация, базовые ценности, субъективные нормы в сфере вопросов начала и окончания жизни.

В первом параграфе первой главы описываются основные этапы развития количественных подходов к изучению религиозности, рассматриваются используемые на практике способы операционализации понятия «религиозность». Определений религии существует так много⁴¹, что ряд религиоведов и социологов даже предлагают вовсе отказаться от точного и универсального определения религии и религиозности из-за их расплывчатости и/или неспособности охватить все релевантные явления⁴².

В нашей работе мы ориентируемся на определение религии, предложенное Э. Дюркгеймом, в соответствии с которым в религии в качестве основных измерений выделяются практики (ритуалы) и верования, и многомерный подход к операционализации понятия религиозности. Религиозность рассматривается на уровне индивида и на уровне страны. Мы опираемся на рекомендации, которые дают Р. Инглхарт и П. Норрис⁴³, и используем предложенные ими для применения

⁴¹ 750 определений религии: история символизаций и интерпретации: монография / под ред. Е. И. Аринина. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014 ; *Pollack, D. Säkularisierung — ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland.* — Tübingen : Mohr Siebeck, 2003. — S. 28—56.

⁴² *Смирнов, М. Ю.* Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2015. — Т. 16. — Вып. 2. — С. 145—153 ; *McKinnon A.* Sociological definitions, language games, and the “essence” of religion // *Method and Theory in the Study of Religion.* — 2002. — Vol. 14. — No. 1. — P. 61—83 ; *Pollack, D.* Säkularisierung — ein moderner Mythos... — S. 28—30 ; *Saler, B.* Conceptualizing religion : Some recent reflections // *Religion.* — 2008. — Vol. 38. — No. 3. — P. 219—225.

⁴³ *Inglehart, R., Norris, P.* Sacred and secular : religion and politics worldwide. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2004. — P. 219—225.

в межстрановых сравнительных исследованиях показатели религиозности — частоту посещения религиозных служб и важность Бога в жизни респондента. С одной стороны, эти показатели являются максимально унифицированными, независимыми от содержания верований для разных конфессий, а с другой — хорошо коррелируют (на уровне стран) с другими показателями религиозности.

Во втором параграфе первой главы рассматривается понятие субъективных норм и его связь с религиозностью. Нормы — это «определенные принципы или правила, которые, как ожидается, люди будут соблюдать»⁴⁴. Структура нормы включает ряд основных элементов: содержание, характер, условия приложения, субъект и авторитет⁴⁵. На уровне общества или группы в целом мы говорим о социальных нормах, на индивидуальном уровне — об интернализованных нормах, которые в свою очередь выражаются в субъективных нормах (нормативных взглядах, нормативных представлениях) и нормативном поведении. Мы рассматриваем субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни (самоубийство, эвтаназия, аборт, зачатие in-vitro).

Исследования показывают, что более высокий уровень религиозности соотносится с более высоким уровнем традиционности в субъективных нормах человека. Различия объясняются в первую очередь оппозицией точек зрения в защиту жизни (pro-life), выражаемой вероучением многих религий, и в защиту права выбора (pro-choice). Тип религиозной культуры и принадлежность к определенной конфессии также оказывает существенное воздействие на отношение к вопросам жизни и смерти⁴⁶. Р. Старк⁴⁷, К. Бейдер и П. Фресе⁴⁸ объясняют это конфессиональными различиями в представлениях о том, насколько

⁴⁴ Гидденс, Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — С. 43.

⁴⁵ Ивин, А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. — М.: Проспект, 2016. — 320 с.; Ивин, А. А., Никифоров, А. Л. Нормативное высказывание // Словарь по логике. — М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1997. — С. 226—228.

⁴⁶ Gay, D. A., Ellison, C. G., Powers, D. A. In search of denominational subcultures: Religious affiliation and “pro-family” issues revisited // Review of Religious Research. 1996. — Vol. 38. — No. 1. — P. 3—17; Inglehart, R., Norris, P. Sacred and secular ...

⁴⁷ Stark, R. Gods, rituals, and the moral order ...

⁴⁸ Bader, C. D., Froese, P. Images of God: The effect of personal theologies on moral attitudes, political affiliation, and religious behavior // Interdisciplinary Journal of Research on Religion. — 2005. — Vol. 1. — No. 11. — P. 1—24.

Бог активен в жизни человека или же дистанцирован от нее, и насколько Бог требователен и строг. Инглхарт и Норрис объясняют более либеральное отношение в традиционно православных странах, в частности, к абортам, не собственно религиозными факторами, а тем, что в рамках советской репродуктивной политики аборты были легкодоступны⁴⁹.

В третьем параграфе первой главы рассматривается понятие базовых ценностей и его связь с религиозностью. Существует множество различных подходов к определению понятия ценности и методик его измерения⁵⁰. В настоящей работе применяется методика изучения ценностей, предложенная Ш. Шварцем, который определяет ценности как «широкие мотивационные конструкты, выражающие то, что важно для людей»⁵¹.

Базовые ценности объединяются в мотивационный круг, который отражает их взаимоотношения (согласованность либо конфликт). Выделяются десять ценностей: Безопасность, Конформность, Традиция, Самостоятельность, Риск-Новизна, Гедонизм, Достижение, Власть-богатство, Благожелательность и Универсализм, хотя в ряде исследований утверждается, что кросскультурный анализ более обоснованно проводить на базе семи ценностей⁵². Также выделяются укрупненные ценностные индексы: Открытость изменениям противопоставлена ценностям Сохранения, Забота о людях и природе — Самоутверждению.

⁴⁹ *Inglehart, R., Norris, P. Sacred and secular ...* — P. 174.

⁵⁰ *Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль.* — М.: Изд-во РУДН, 2006. — 456 с.; *Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values: reviving a dormant concept // Annual Review of Sociology.* — 2004. — Vol. 30. — No. 1. — P. 359—393; *Rohan, M. J. A Rose by any name? The values construct // Personality and Social Psychology Review.* — 2000. — Vol. 4. — No. 3. — P. 255—277; *Rokeach, M. The nature of human values.* — New York; London: Free Press, 1973. — 438 p.

⁵¹ *Шварц, Ш. [и др.] Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики.* — 2012. — Т. 9. — № 1. — С. 43—70; *Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / M. Zanna (ed.).* — San Diego, CA: Academic Press, 1992. — P. 1—65; *Schwartz, S. H. [et. al.]. Refining the theory of basic individual values / J. Cieciuch, M. Vecchione, E. Davidov, R. Fischer, C. Beierlein, A. Ramos, M. Verkasalo, J.-E. Lönnqvist, K. Demirutku, O. Dirilen-Gumus, M. Konty // Journal of Personality and Social Psychology.* — 2012. — Vol. 103. — No. 4. — P. 663—688.

⁵² *Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S. H. Bringing values back in: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly.* — 2008. — Vol. 72. — No. 3. — P. 431.

Теологические основания для формулирования гипотез о связи религиозности и ценностей заключаются в том, что многие религии поощряют выход за пределы материальных интересов, социологические основания для гипотез заключаются в том, что религия рассматривается как основание нормативной системы и солидарности, психологический анализ подчеркивает роль религии в снижении неопределенности. Таким образом, религиозность должна быть положительно связана с ценностями Сохранения (стабильности и уверенности в завтрашнем дне) и отрицательно — с ценностями Открытости изменениям⁵³. Направление причинно-следственной связи между ценностями и религиозностью может быть обратным (ценности могут влиять на религиозность)⁵⁴.

Связь между религиозностью и ценностями также может опосредоваться социальным контекстом: доминирующим в регионе вероисповеданием, отношениями между церковью и государством, общим уровнем религиозности в стране.

В четвертом параграфе первой главы рассматривается понятие религиозной социализации. Религия содержит определенный набор установок, норм и ценностей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации. Можно полагать, что если религия усвоена рано, то она может оказать существенное влияние на формирование субъективных норм и ценностей, поскольку ценностно-

⁵³ Fontaine, J. R. J. [et. al.]. Consequences of a multidimensional approach to religion for the relationship between religiosity and value priorities / B. Duriez, P. Luyten, J. Corveleyn, D. Hutsebaut // *International Journal for the Psychology of Religion*. — 2005. — Vol. 15. — No. 2. — P. 123—143 ; Gennerich, C., Huber, S. Value priorities and content of religiosity — new research perspectives // *Archive for the Psychology of Religion*. — 2006. — Vol. 28. — No. 1. — P. 253—267 ; Meuleman, B., Billiet, J. Religious involvement : Its relation to values and social attitudes // *Cross-cultural analysis : Methods and applications* / E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet (eds.). — New York : Taylor and Francis, 2011. — P. 173—206 ; Saroglou, V., Delpierre, V., Dernelle, R. Values and religiosity ... ; Schwartz, S. H., Huismans, S. Value priorities and religiosity ...

⁵⁴ Rokeach, M. Part I. Value systems in religion // *Review of Religious Research*. — 1969. — Vol. 11. — No. 1. — P. 3—23 ; Schwartz, S. H., Huismans, S. Value priorities and religiosity in four western religions // *Social Psychology Quarterly*. — 1995. — Vol. 58. — No. 2. — P. 88—107 ; Sibley, C. G., Bulbulia, J. A. How do religious identities and basic value orientations affect each other over time? // *The International Journal for the Psychology of Religion*. — 2014. — Vol. 24. — No. 1. — P. 64—76.

нормативная система формируется в детстве и юности, и в дальнейшем либо меняется слабо, либо эти изменения связаны с существенными потрясениями⁵⁵.

В пятом параграфе первой главы подводятся основные итоги рассмотрения ключевых понятий, которые служат основанием для формулирования проверяемых в настоящей работе гипотез, представленных в *шестом параграфе*.

Во второй главе приводится описание методологии, процедур исследования и используемых баз данных.

В первом параграфе второй главы описывается методология межстрановых сравнительных исследований на базе массовых опросов, применяемая в настоящем исследовании. Основным макропоказателем, на основании которого проводятся межстрановые сравнения, является уровень первичной религиозной социализации в стране.

Во втором параграфе второй главы описываются базы данных, используемые в настоящем исследовании: Европейское исследование ценностей 2008 г., данные которого включают в себя информацию по большинству стран Европы (46 стран, 48 регионов); Европейское социальное исследование 2010 г. (25 стран, 26 регионов) и 2012 г. (Россия), исследование «Ортодокс монитор» 2012 г., проведенное при участии автора по репрезентативной выборке воцерковленных православных россиян в возрасте от 18 лет и старше (806 респондентов).

В третьем параграфе второй главы приводится описание Портретного ценностного вопросника (PVQ — Portrait Values Questionnaire) Ш. Шварца, который применяется в настоящем исследовании⁵⁶. Респондентам предъявляется

⁵⁵ Дубин, Б. В. О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект Пресс, 1995. — С. 237—247; Alwin, D. F. Cohort replacement and changes in parental socialization values // Journal of Marriage and the Family. — 1990. — Vol. 52. — No. 2. — P. 347; Alwin, D. F., McCammon, R. J. Generations, cohorts, and social change // Handbook of the life course / J. T. Mortimer, M. J. Shanahan (eds.). — New York, NY : Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 23—49; Inglehart, R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 453 p. ; Inglehart, R. The silent revolution : Changing values and political styles. — Princeton : Princeton University Press, 1977. — 482 p. ; Rokeach, M. The nature of human values... ; Shuman, H., Scott, J. Generations and collective memories // American Sociological Review. — 1989. — Vol. 54. — No. — P. 359—381.

⁵⁶ Schwartz, S. H. A proposal for measuring value orientations across nations [Electronic resource] // European Social Survey core questionnaire development. Chapter 7. — [S. l.], 2003. P. 259—290. URL:

набор описаний некоторого человека (всего 21 описание) и предлагается оценить, насколько такой человек похож на респондента.

В четвертом параграфе второй главы описываются применяемые в работе показатели религиозной социализации. Первичная религиозная социализация операционализируется при помощи вопроса о частоте посещения религиозных служб в возрасте 12 лет. Страновой уровень первичной религиозной социализации измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще. Вторичная религиозная социализация или, соответственно, ресоциализация — явление, связанное с существенными изменениями образа жизни, воцерковлением. Одна из важнейших характеристик, отличающих воцерковленных православных — это регулярное причащение.

В пятом параграфе второй главы рассматриваются методы анализа данных, применяемые в исследовании, в том числе многоуровневый регрессионный анализ, описываются выбранные подходы к оценке качества построенных моделей.

В третьей главе представлены результаты анализа данных о связи религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами.

В первом параграфе третьей главы анализируется связь религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни (самоубийство, эвтаназия, аборт, искусственное оплодотворение или оплодотворение вне организма матери). Мы рассматриваем все указанные субъективные нормы отдельно, а также объединяем их в обобщенный индекс, поскольку отношение к каждому из указанных вопросов в значительной мере коррелирует со всеми остальными и образует внутренне согласованный феномен (альфа Кронбаха 0,73). Более высокие значения как обобщенного индекса, так и отдельных показателей, соответствуют более разрешительным субъективным нормам.

Дисперсионный анализ свидетельствует о том, что европейские страны в значительной степени различаются по уровню традиционности субъективных норм

http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

относительно вопросов начала и окончания жизни. Наиболее разрешительные субъективные нормы характеризуют скандинавские и западноевропейские страны, Россия находится в середине списка (занимает 25-е место в списке из 48 регионов).

Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни наблюдается значимая отрицательная связь. Люди, которые считают, что Бог важен в их жизни, в меньшей степени склонны оправдывать аборты, зачатие *in-vitro*, эвтаназию и самоубийство. Во всех странах связь отрицательная, однако можно заметить, что сила связи существенно колеблется в зависимости от страны. В ряде стран связь довольно сильна, например, в южноевропейских и западноевропейских странах (так, коэффициент корреляции Пирсона между толерантностью к нарушению предписываемых религией социальных норм и религиозностью равен -0,48 в Испании и Нидерландах, -0,47 в Италии, -0,39 в Швейцарии, -0,38 в Бельгии). В то же время, в ряде постсоциалистических стран восточной Европы и странах бывшего СССР связи очень слабые (-0,03 в Азербайджане, -0,06 в Армении, -0,1 в Грузии, России и в Косово, -0,11 в Беларуси, -0,13 в Сербии и Черногории, -0,14 в Молдавии, Украине, Эстонии, -0,16 в Болгарии и Румынии). Тем не менее, в некоторых постсоциалистических странах сила связи — заметная (например, -0,39 в Словении, -0,28 в Восточной Германии, -0,3 в Польше, -0,25 в Венгрии).

Согласно гипотезе Старка⁵⁷, межстрановые различия в силе связи религиозности с субъективными нормами можно было бы объяснить разным статусом религии в обществе. Связь между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни должна быть сильнее в тех странах, где население в целом более религиозно, поскольку в таких обществах религия является легитимным основанием для ценностей и норм⁵⁸.

⁵⁷ Stark, R. Religion as context ...

⁵⁸ Adamczyk, A., Pitt, C. Shaping attitudes about homosexuality ... ; Bader, C. D., Finke, R. What does God require?... ; Corcoran, K. E., Pettinicchio, D., Robbins, B. Religion and the acceptability ... ; Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs ... ; Kelley, J., De Graaf, N. D. National context, parental socialization ... ; Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide ... ; Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes... ; Verbakel, E., Jaspers, E. A Comparative study on permissiveness ...

Данная гипотеза не согласуется с полученными нами результатами анализа. Существуют доводы в пользу альтернативного предположения о том, что связь между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни должна быть сильнее в тех странах, где население в целом менее религиозно, поскольку в таком социальном контексте выше необходимость в их утверждении и актуализации⁵⁹. Эта гипотеза частично согласуется с данными.

Мы дополнили анализ еще одним фактором — уровнем первичной религиозной социализации в стране. Результаты линейного регрессионного анализа на страновом уровне свидетельствуют о том, что в обществах, где действует социальный механизм первичной религиозной социализации, религиозные люди заметно отличаются от нерелигиозных по субъективным нормам относительно вопросов начала и окончания жизни (связь сильная). Там же, где передача религиозных ценностей нарушена, различие в субъективных нормах между религиозными и нерелигиозными людьми минимально (связь слабая).

На следующем этапе исследования были построены многоуровневые регрессионные модели, позволяющие одновременно включать в анализ переменные на микро- и макроуровне. Зависимой переменной является индекс субъективных норм и его отдельные составляющие. В качестве независимых переменных все модели включают на индивидуальном уровне такие индикаторы религиозности, как вероисповедание, показатель важности Бога в жизни респондента, а также частота посещения религиозных служб на момент опроса, а на страновом уровне — уровень первичной религиозной социализации в стране. Также контролируются разнообразные социально-демографические показатели. Модель включает два эффекта взаимодействия переменных: 1) между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне, а также 2) между уровнем первичной религиозной социализации на страновом уровне и важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне.

⁵⁹ *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes ... — P. 161.

Общий эффект важности Бога состоит из основного эффекта этой переменной на уровне индивида и межуровневого эффекта взаимодействия с уровнем первичной религиозной социализации в стране. Основным эффектом важности Бога во всех моделях — отрицательный. Это означает, что люди с высоким уровнем религиозности более склонны считать аборт, искусственное оплодотворение, самоубийство и эвтаназию недопустимыми, в то время как менее религиозные люди имеют более разрешительные субъективные нормы. Однако эффект взаимодействия делает угол наклона регрессионной прямой (т.е. силу связи) различным в разных странах.

В странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши) связь религиозности (важности Бога) с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни имеет более пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном южноевропейские страны, а также Польша и Ирландия) форма зависимости — более крутая. Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем сильнее отрицательная взаимосвязь религиозности с субъективными нормами по вопросам начала и окончания жизни. Найденный эффект уровня первичной религиозной социализации в стране как показателя макроуровня подтверждает результаты, полученные в одноуровневых регрессионных моделях. Теперь они воспроизведены при добавлении целого ряда контрольных переменных на индивидуальном уровне, что подтверждает их надежность.

Для того, чтобы религиозность оказывала влияние на субъективные нормы, необходимо, чтобы работал социальный механизм, посредством которого эти нормы передаются, причем очень важной оказывается не только частота посещения служб в настоящее время, но подсоединение к религии в формативный период, первичная религиозная социализация.

По результатам анализа влияние первичной религиозной социализации (регулярного посещения религиозных служб в возрасте 12 лет) на индивидуальном

уровне оказалось сложнее, чем предполагалось изначально. При наличии первичной религиозной социализации нерелигиозные европейцы склонны более толерантно относиться к абортам, искусственному оплодотворению и эвтаназии, по сравнению с нерелигиозными людьми, не имевшими опыта первичной религиозной социализации. Иными словами, респонденты, отошедшие от религии (прекратившие посещать религиозные службы), более склонны оправдывать девиации от предписываемых религией норм, чем те, кто ни в настоящее время, ни ранее не был активно практикующим последователем религии. Интерпретация такого результата может заключаться в том, что более либерально настроенные респонденты склонны по мере взросления ограничить посещение религиозных служб, поскольку их взгляды вступают в противоречие с церковной доктриной. Хотя имеющиеся данные не позволяют проверить гипотезу о причинно-следственных отношениях, на фоне полученного результата такая интерпретация кажется правдоподобной.

Если респондент в настоящее время (на момент опроса) посещает религиозные службы, и делает это достаточно часто, то знак при общем (суммарном) коэффициенте для религиозной социализации становится отрицательным. Это означает, что если мы говорим о религиозных европейцах, то респонденты, получившие первичную религиозную социализацию, являются носителями более традиционных субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни, чем не имевшие опыта регулярного посещения религиозных служб в формативный период.

Во втором параграфе третьей главы рассматривается связь религиозности и базовых ценностей.

Связи между религиозностью респондентов на момент опроса (измеренной при помощи частоты посещения религиозных служб) и базовыми ценностями Самоутверждения и Заботы о людях и природе на данных Европейского социального исследования не наблюдается (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,005 и 0,004 соответственно).

Если рассмотреть коэффициенты корреляции между частотой посещения служб и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям, они более заметны и составляют 0,24 ($p \leq 0,001$) и -0,23 ($p \leq 0,001$) соответственно. Почти во всех странах (кроме Болгарии) есть статистически значимая связь: чем выше индивидуальная религиозность, тем более человек привержен ценностям безопасности, следования традициям, конформности (входящим в ценностный индекс Сохранения) и тем менее — ценностям новизны, риска, гедонизма (входящим в ценностный индекс Открытости изменениям). В разных странах связи — разные по силе.

Для объяснения межстрановых различий в силе связи между религиозностью и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям были построены две многоуровневые регрессионные модели. На индивидуальном уровне рассматривается связь религиозности и базовых ценностей с контролем пола, возраста и образования. В качестве странового показателя применяется уровень первичной религиозной социализации в стране.

Как и в случае с анализом связи религиозности с субъективными нормами, в данных моделях был получен значимый межуровневый эффект взаимодействия индивидуальной религиозности и странового уровня первичной религиозной социализации. В странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши) связь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям имеет более пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем социализации (куда вошли в основном южноевропейские страны, а также Польша) форма зависимости — более крутая (для ценностей Сохранения угол наклона положительный, Открытости изменениям — отрицательный). Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем большее влияние религиозность оказывает на базовые ценности Сохранения и Открытости изменениям. Полученный результат может служить подтверждением валидности выводов, сформулированных в первом параграфе третьей главы.

Кроме первичной религиозной социализации важную роль может играть также и вторичная религиозная социализация — изменение ценностей в зрелом возрасте под воздействием религиозности, хотя это явление носит менее массовый характер. Мы рассматриваем его воздействие на примере России, сравнив ценности воцерковленных православных верующих и ценности среднестатистических россиян.

Если на основании Европейского социального исследования в России сравнить группу посещающих религиозные службы раз в месяц или чаще с теми, кто посещает их реже или никогда, средние значения ценностных индексов окажутся в этих двух группах очень близкими. Если же сравнить их с ценностями воцерковленных православных на основании исследования «Ортодокс Монитор», различия оказываются очень существенными. Результаты линейного регрессионного анализа показали, что даже при контроле социально-демографических показателей и частоты посещения религиозных служб различия между выборкой воцерковленных православных и выборкой населения в целом остаются существенными при анализе всех базовых ценностей. Воцерковленные православные россияне значительно более привержены ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе и менее — ценностям Открытости изменениям и Самоутверждения. Одним из неожиданных результатов стали обнаруженные значительные различия между воцерковленными православными и среднестатистическими россиянами по ценностям Универсализма. Принято считать, что религиозность связана с партикуляризмом, и в большинстве предыдущих исследований связь религиозности с ценностями Универсализма либо была отрицательной, либо отсутствовала, и лишь изредка была слабой положительной. Наше исследование показало, что воцерковленные православные значительно чаще, чем среднестатистические россияне, считают важным, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково, и в большей мере готовы выслушать мнение других людей и попытаться понять их точку зрения, даже если она отличается от их собственной. Также, несмотря на общие низкие показатели по ценностям Открытости изменениям, различия обусловлены в значительной мере

отвержением ценностей Гедонизма и Риска-Новизны, в то время как по ценностям Самостоятельности различия со среднестатистическими россиянами минимальны.

Одна из важнейших характеристик, отличающих воцерковленных православных — это регулярное причащение. Причастие в православии предполагает довольно серьезную подготовку, пост и исповедь. Человек производит попытку переосмыслить свои взгляды, ценности, изменить поведение. Если это происходит с определенной регулярностью, это может приводить к постепенному изменению базовых ценностей, обусловленному религиозностью, что соответствует, на наш взгляд, функционированию механизмов вторичной религиозной социализации.

В заключении диссертации приводятся основные выводы исследования, а также описываются возможные ограничения работы.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные автором в ведущих рецензируемых научных журналах и журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Пруцкова Е. В. Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №2. С. 243–260.
2. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. №2(30). С. 268–293.
3. Пруцкова Е. В. Религиозность и базовые ценности россиян (по данным «Европейского социального исследования» и всероссийского исследования «Ортодокс Монитор») // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. №4(72). С. 126–143.
4. Пруцкова Е. В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. 2013. №2. С. 72–88.
5. Пруцкова Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2015. №3(59). С. 62–80.
6. Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. 2017. №8. С. 95–105.

7. Ackert M., Prutskova E., Zabaev I. Validation of the Short Forms of Centrality of Religiosity Scale in Russia // Religions. 2020. Vol. 11. No. 11. P. 1-35.
8. Prutskova E. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia // Religions. 2021. Vol. 12. No. 15. P. 1-18.

Публикации в других изданиях:

9. Астахова Л. С., Пруцкова Е. В. Социализация религиозная // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 343–345.
10. Забаев И. В., Мелкумян Е. Б., Орешина Д. А., Павлюткин И. В., Пруцкова Е. В. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // Демоскоп Weekly. 1-19 мая 2013. №553–554. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php>
11. Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Три московских прихода: основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. М.: Издательство ПСТГУ, 2012 (переиздано в 2016).
12. Забаев И., Мелкумян Е., Орешина Д., Павлюткин И., Павлюткина Е., Пруцкова Е. Невидимая Церковь: социальные эффекты приходской общины в современном православии. Сборник статей исследовательского семинара «Социология религии» (2011 - 2014 гг.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2016.
13. Маркин К. В., Пруцкова Е. В. Индивидуальное и социальное измерение религиозности // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4848–4858.
14. Пруцкова Е. В. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Книга 3 / Отв. ред. Е. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2014. С. 527–536.
15. Пруцкова Е. В. Влияние формулировки вопросов о религиозности на ответы респондентов // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского / отв. ред. и вступит. ст. О. А. Оберемко. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 488–494.
16. Пруцкова Е. В. Измерения религиозности // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 106–107.

17. Пруцкова Е. В. Религиозная социализация: проблемы концептуализации и соотнесения микро- и макро- уровней анализа // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / Отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. С. 80–88.
18. Пруцкова Е. В. Религиозность и толерантность к осуждаемым религией формам поведения (по материалам Европейского исследования ценностей) // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (в четырех книгах). Книга 2. Отв. ред. Е. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 647–656.
19. Пруцкова Е. В. Религиозность и толерантность к осуждаемым религией формам поведения в сравнительной перспективе: проблема согласованности феномена религиозности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 8168–8175.
20. Пруцкова Е. В. Рождаемость в Европе: значение религиозной социализации // Демоскоп Weekly. 1-14 апреля 2013. №549–550. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/nauka02.php>
21. Пруцкова Е. В. Связь религиозности и базовых ценностей в России (по данным Европейского социального исследования и всероссийского исследования «Ортодокс Монитор») // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В четырех книгах. Книга 4, под ред. Е. Ясина. М: НИУ ВШЭ, 2017. С. 23–30.
22. Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Проблема измерения православной религиозности в России (по данным всероссийского исследования Ортодокс Монитор) // Социология религии в обществе позднего модерна. Сборник статей и тезисов по материалам VI Международной научной конференции НИУ БелГУ, 19-20 сентября 2016 / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 190–193.
23. Prutskova E. Religiosità e natalità nei Paesi europei. L'effetto del contesto sociale: "tentazione secolare", "socializzazione religiosa primaria" o "difesa religiosa"? (Sulla base dello European Values Study) // La bellezza della famiglia in Italia e in Russia: problemi e soluzioni. Livorno, Italia: Pharus Editore Librario, 2019. P. 132–138.